

Конечно, не все проблемы разрешены; но сила и полнота творчества, стремление удержать лучшие достижения прошлого, так же как и разведывать и открывать новое — верный залог будущих жатв».

На формирование новой литературы оказывает большое влияние новый психологический облик румынского читателя, но эта литература, в свою очередь, воспитывает и развивает новые вкусы, направляет интересы масс и, в частности, определяет, что в зарубежном искусстве их привлекает и что отталкивает.

В том же номере журнал помещает несколько очерков о Румынии французских деятелей культуры — Пьера Абраама, Же-

невьевы Табуи, Агри Ложье, Пьера Парафа, Антуана Адама. Все они подчеркивают традиционность культурных связей Румынии и Франции и в то же время *новый характер* этих связей в настоящее время. Румынскому читателю близки и реалистические традиции французского искусства. Однако нельзя наладить культурные связи с социалистической Румынией, не понимая тех глубоких изменений, которые происходят в ее культуре, подчеркивает в своей статье Антуан Адам.

Помогая французскому читателю увидеть новый облик румынской литературы и румынской культуры, специальный номер «Эроп» представляет собой полезный вклад в дело дружбы между народами.

Куда идет Франсуа Мориак?

Несколько парижских студентов, алжирцев по происхождению, были арестованы в декабре прошлого года французской полицией. Они подверглись чудовищным пыткам и издевательствам в тех самых казематах на улице Боссюэ, где пытали патриотов Франции гестаповские палачи. Сборник «Гангрена», изданный «Эдисон де минюи», куда вошли рассказы этих студентов о том, что им пришлось пережить, был по приказу министра внутренних дел конфискован, как в свое время «Допрос под пыткой» Аллега. Мало того, машина, в которой главный редактор журнала «Темуаньяж э докюман» П. Видадь-Наке вез матрицы «Гангрены» в типографию (книга должна была выйти в качестве приложения к журналу), была задержана полицией, а матрицы изъяты. После этого полицейские ссыпали набор.

Однако правительству Дебре не удалось скрыть от общественности эти страшные документы, разоблачающие гестаповские методы французской полиции. Возмущение охватило самые широкие круги страны.

«Читая эти залитые кровью страницы,— писала о «Гангрене» даже буржуазная газета «Монд»,— которые так хотелось бы считать лживыми измышлениями, не знаешь, чему больше ужасаться: жестокости действий или низости ума тех, кто сопровождает пытки оскорблениями».

Среди тех, кто откликнулся на выход этой книги, был писатель Франсуа Мориак, в прошлом участник Сопротивления, державший говорить правду в годы оккупации, но запятнавший себя с тех пор безоговорочной поддержкой режима личной власти во Франции.

Мориак выступил в связи с кровавыми событиями на улице Боссюэ с оправданием пыток и постыдных действий французской охраны.

В своем «Блокноте» на последней полосе еженедельника «Экспресс» Мориак следующим образом излагает свою философию: «Эпоха террора и контртеррора — эпоха пыток. Таков непреложный закон».

Эти позорные строки из «Блокнота» вызвали справедливую отповедь на страницах «Франс-обсерватер».

«Франсуа Мориак,— с возмущением пишет автор статьи в этом еженедельнике К. Бурде,— был на прошлой неделе, как и многие другие, потрясен «Гангреной», то есть тем, что применение пыток, распространяясь, как заразная болезнь, охватило уже французскую территорию, что пытаются уже в нескольких шагах от Елисейского дворца. Но статья, где он говорит о своем волнении, кажется до такой степени странной, до такой степени мутной, что создается впечатление — да простит мне Мориак,— что он сам поражен какой-то гангреной... Какие слова находит он для характеристики этого позорного

преступления? Разумеется, он не отрицает, не выражает сомнений. Да и кто может еще прикрываться неведением, кто может отрицать случившееся после событий в Лионе, после опубликования этой небольшой книжечки в «Эдиссон де миню», после конфискации ее, в которой каждый французский гражданин увидел признание правительством своей виновности, после коммунике г. Дебре, потрясавшего вместо объяснений жупелом коммунизма, — как это сделал бы на его месте любой диктатор... Но Мориак объясняет, объясняет...»

«Франс-обсерватер» обвиняет Мориака в том, что его стремление понять и объяснить фашистские методы, все больше укореняющиеся во Франции, — предательство, отступление от принципов гуманизма и демократии. Утверждая фатальную неизбежность пыток, Мориак прикрывает своим авторитетом писателя преступную политику тех, кто несет ответственность за продолжающееся кровопролитие в Алжире.

Что представляет собой режим личной власти, на который возлагает все свои надежды Франсуа Мориак?

«Молчание и снисходительность по отношению к палачам, — отвечает «Франс-обсерватер», — кляп для тех, кто пытается поднять тревогу: ни один журналист уже не может писать свободно, и те, кто считает своим долгом информировать, вынуждены ориентироваться, как двадцать лет назад, на нелегальные и полулегальные издания...»

Разве вам, Франсуа Мориак, — с возмущением пишет К. Бурде, — не бросается в глаза, что это правительство, этот режим, который вы призывали, вовсе не стремится уничтожить пытки, утешаясь, так же как и вы, предлогом, что они «фатальны?»»

Пятидесятилетний литературный опыт не помог Мориаку найти слова, чтобы ответить на справедливые обвинения «Франс-обсерватер». Трудно принять всерьез его ссылку на бога, якобы ниспославшего в лице генерала де Голля «благодать» Франции. «Быть может, последнюю благодать», — пугает Мориак. Если же говорить о более земных доводах, то их Мориак почерпнул в арсенале тех самых фашиствующих молодчиков, оправдание которых «Франс-обсерватер» с полным основанием считает величайшим позором писателя.

Мориак старается застрашать тех, кто борется против реакционного режима личной власти, утверждая, что падение этого режима, мол, ввергло бы Францию в «ужасы Апокалипсиса», ибо «левые», оказывается, только и стремятся к тому, чтобы обречь страну на испытания гражданской войны, от которой якобы спас Францию переворот 13 мая прошлого года.

Называя эти инсинуации Мориака «не только оскорбительными, но и абсурдными», сравнивая их с теми клеветническими обвинениями, которые в 1938—1939 годах выдвигали против антифашистов французские мюнхенцы, утверждавшие, что антифашисты «хотят войны», — «Франс-обсерватер», отвечая Ф. Мориаку, делает справедливый вывод:

«Отстоять демократические завоевания французского народа можно только путем непримиримой и непрекращающейся борьбы, для которой левым потребуются все силы, все бойцы — в том числе те, которые, подобно Мориаку, теряют еще драгоценное время на попытки найти извинения существующему режиму.»

«Все меньше книг, все меньше читателей...»

Есть люди, которые считают, что книги нужно сжигать, — тому немало печальных примеров в далекой истории и в недавнем прошлом. Есть сторонники иной системы. Они пытаются душировать живое слово еще в зародыше. Правящие круги Греции, ненавидящие свободную мысль, прячущие в тюрьмы тех, кто говорит правду, боятся и художественной литературы. Чем меньше книг выходит в стране, чем меньше возможность у простого человека купить книгу — тем спокойнее врагам демократии и

прогресса. Крайне низкий жизненный уровень и откровенное нежелание правительства хоть как-нибудь способствовать книгоизданию привели к острому кризису издательского дела в стране. В Греции умышленно делается все возможное, чтобы помешать писателям издавать свои книги, хотя бы и без всякого гонорара. Журнал «То периодико мас» отмечает в одном из своих номеров сокращение количества изданных книг по сравнению с предыдущим годом: